

включала, кроме сведений о чиновничьей «карьере», прохождении военной службы, наградах и т. д., информацию о социальном происхождении, а с середины XIX в. — данные о жене и детях. Составлялись с периодичностью в полгода или год.

Похожий послужной список, но на лиц духовного сословия, составлялся в клировых ведомостях, введенных в 1769 г. Клировые ведомости содержали персональные сведения, о составе семьи с перечислением детей, сословии, месте службы, должности, образовании, а также о наградах или взысканиях. Составлялись они ежегодно.

Следует отметить, что документы сословного учета, кроме переписных книг XVII в., в отличие от других рассмотренных документов носят в основном не семейный, а индивидуальный характер. Преимуществом является возможность проследить изменения социального и профессионального статуса служащего, т. е. восстановить историю его «карьеры», но для исследований социальной и профессиональной мобильности (несмотря на то, что содержат указание на сословие и состав семьи) могут применяться только в совокупности с данными из других источников.

Таким образом, для создания на одной территории больших массивов персональных данных, которые позволили бы проследить социальную мобильность за несколько поколений, необходимо аккумулировать несколько видов источников. Данное обстоятельство, в свою очередь, создает ряд сложностей с установлением родственных отношений и связыванием записей. Решение такой задачи с помощью одного вида источников, например, метрических книг, было бы предпочтительнее, но, к сожалению, сильно зависит от сохранности и репрезентативности данных в том или ином регионе.

В. Н. Владимиров, Д. Е. Сарафанов
Алтайский государственный университет

ИСТОЧНИКОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ ИСПОВЕДНЫХ ВЕДОМОСТЕЙ БАРНАУЛА XIX В.*

Каждая церковь имела расписание, фиксировавшее сведения, которые необходимо было ежегодно отправлять в консисторию, и время отправления. Первыми подавались исповедные росписи — они требовались консисторией в конце отчетного года с октября по декабрь (от благочинных, со-

---

* Исследование поддержано РФФИ, грант №11-06-00135-а и РГНФ, грант №12-11-22002а/Г

стоявших в непосредственном ведении консистории, – к 1 октября без общих табелей, а от духовных правлений – к 1 декабря с общими табелями)¹.

Епархиальное начальство, как и церковный причт, в XIX в. прилагали серьезные усилия, чтобы прихожане ежегодно «во исполнение христианского долга» исповедовались и причащались. Относилось это в равной степени к каждому православному гражданину. Наиболее подходящим временем для исповеди и святого причастия, как правило, были посты, хотя в XIX в. не возбранялось совершать эти обряды в иное время. Указ 1737 г. требовал, чтобы «...всякого чина мужеска и женска пола люди, от семилетне-возрастных и до самых престарелых, во дни святые четыредесятницы, у отцов своих духовных исповедовались и приобщались святыих тайн повсегодно...»².

Первые «Ведомости о людях православного исповедания, бывших и не бывших у исповеди и святого причастия по <...> епархии за <...> год», которые назывались сокращенно исповедными росписями, появились в конце XVII в.³ Первоначально составление этих документов носило территориально ограниченный характер. Общероссийское законодательное оформление исповедного учета произошло в первой четверти XIX в. Именной указ от 8 февраля 1716 г. повелевал приходским священникам вести именные росписи тех, кто не исповедовался⁴, указ от 17 февраля 1718 г. предписывал: «...кто будет исповедываться и не исповедываться, тому всему иметь книги погодно, и присылать их по епархиям в духовные приказы...»⁵. В этот же день указом Синода предписывалось «по всем епархиям во всех градских и уездных приходах священникам учинять именные прихожанам своим всякого звания мужеска и женска полу людям книги, в которыхы как православных, так и раскольников означать по домам изъяснительно»⁶. И, наконец, указ 1722 г. закреплял обязательность ведения исповедных росписей и разъяснял многие вопросы, связанные с их составлением. Поэтому некоторые исследователи относят появление исповедного учета именно к 1722 г.⁷

Форма источника изучена в отечественном источниковедении⁸. Установленная в 1737–1742 гг., она просуществовала без серьезных изменений вплоть до 1917 г. Формуляр содержал такие графы: число домов, нумерация записей исповедавшихся с разделением по полу, персональная информация о прихожанах, (Ф.И.О., сословие, статус), возраст прихожан (с разделением по полу); также столбцы: «Кто были у исповеди и святого причастия», «Кто ж исповедались токмо, а не причастились и за каким винословием», «Которые у исповеди не были»⁹. Название последних трех пунктов в течение XIX в. менялось, однако значение оставалось прежним.

Вероятно, исповедные росписи барнаульских церквей до 1867 г. заполнялись в трех экземплярах. Об этом свидетельствует постановление 1857 г., изданное Томской духовной консисторией. Документ еще раз под-

твердил необходимость по всей Томской епархии составлять исповедные росписи и метрические книги «...при церквях, непосредственно подведомых консистории, в двух экземплярах, подведомых духовным правлениям, — в трех, т.е. один — для консистории, другой — для духовных правлений, третий — для церкви»¹⁰. В отношении метрических книг эти нормы исполнялись уже в начале XIX в. Так, рапорты священников удостоверяли: «...за сей истекший 1809 год троючастные здешнего прихода метрики на данных шнуровых тетрадах нами *в три ряда учинены*; и при сем как первые два следующие в оное правление, так и третий, надлежащий в церковную ризницу для свидетельства Барнаульскому духовному правлению в покорности представляются»¹¹ (выделено нами – авт.). В 1867 г. Барнаульское духовное правление было упразднено, что привело к необходимости составлять исповедные ведомости и метрические книги в двух экземплярах.

Ручная форма графления документов в Барнауле бытовала вплоть до последней трети XIX в. Это замечание справедливо главным образом для тех экземпляров исповедных ведомостей, которые адресовались церкви. Епархиальное начальство шло на такие шаги, понимая, что не все церкви «...имеют достаточные способы к приобретению тех листов за счет церковной кошелевой суммы и так как при многих церквях в Томской епархии получают довольно скудные доходы...»¹². Например, в 1868 г. на печатных бланках вело документацию духовенство двух городских церквей из четырех — Знаменской и Одигитриевской¹³. В период бытования печатных бланков нередко были указы, заставлявшие благочинных «...самым тщательным образом следить за тем, чтобы причты все церковные документы вели исключительно на бланках Синодальной типографии, ... при заказе метрических и исповедных книг иметь в виду возможность прироста населения и поэтому заказывать книги с таким расчетом, чтобы в них имелись запасные листы...»¹⁴. В случае же нехватки листов можно было писать «...на простой бумаге, но везде припечатанные по шнуру и за надлежащую скрепью»¹⁵.

От священников требовалось первоначально фиксировать своих постоянных коренных прихожан с разделением на сословия и семейства, а затем – временно-проживающих¹⁶. Барнаульское духовенство вносило жителей прихода в определенной последовательности, начиная с представителей штата церкви, затем военных (офицеров, солдат), приказных, разночинцев (живущих в Барнауле, живущих в деревнях), посадских (купцов и мещан с указанием места проживания), крестьян (живущих в Барнауле, живущих в деревнях), дворовых людей с указанием хозяина и «разных губерний и городов, живущих в Барнауле»¹⁷.

Известно, что в 1841 и 1861 гг. упраздняются категории разночинцев и дворовых. Но понятие «разночинец» продолжало употребляться в церковных документах Барнаула еще долгое время. Можно согласиться с мнени-

ем А.Р. Ивонина, что в Сибири под эту категорию попадали не только люди переходного состояния, обязанные в течение известного срока приписаться к какому-нибудь сословию, но все те, кого нельзя было отнести к какому-либо из известных разрядов населения¹⁸. Более длительное использование термина барнаульским духовенством обусловлено специфическим составом населения города – наличием значительного числа служащих по горному ведомству и на плавильном заводе. В составе разночинцев Барнаула учитывались отставные разного рода чины (в том числе отставные военные и вдовы военных с семейством), заводские служители, мастеровые и другие лица, имеющие отношение к горно-металлургическому делу.

Внутри сословных групп жители прихода, как правило, перечислялись в определенной иерархии в зависимости от статуса, звания или профессии, начиная с самого высшего. В частности, духовные вносились, исходя из ранга: протоиерей (его семья), затем священники с их семьями, дьяконы и т. д. Военные на протяжении XIX в. также указывались в исповедных ведомостях, исходя из ранга – сначала унтер-офицеры, затем солдаты¹⁹.

Каждое семейство при записи отделялось небольшим пропуском. Записывался глава семьи, затем его жена, дети, начиная с самого старшего (мужского пола, затем женского) и остальные родственники (мать, теща, братья и т. д.) Если прихожанин жил «на квартире», то зачастую указывался владелец жилплощади, а графа «двор» оставалась пустой. Солдаты, мастеровые и ученики, проживавшие в казармах и других казенных помещениях, записывались как жители одного двора. Фамилии семейств требовалось распределять в алфавитном порядке²⁰, однако на деле это правило не всегда соблюдалось (особенно в первой половине XIX в.).

В конце исповедной росписи составлялась сводная таблица («экстракт»). В ней, с разделением по сословиям и по полу, указывалось количество прихожан, «бывших у исповеди и святого причастия»; «исповедовавшихся, но не причастившихся»; «не бывших у исповеди и святого причастия» (данная колонка была разделена на две графы: прихожане возраста от 7 лет и до 7 лет, поскольку последние не обязаны были исповедоваться); итоговое число по всем колонкам. В экстракте указывалось общее число «раскольников». Вся информация давалась как для коренных жителей, так и для временно-проживающих (отдельно по каждому населенному пункту).

Существовало два способа регистрации (сверки) прихожан. Первый способ предусматривал хождение причетников из дома в дом, второй – фиксацию прихожан в момент их посещения церкви «во время исповеди во все посты». В последнем случае в росписи заносятся временно-проживающие, пришедшие на исповедь по собственному желанию. Вынуждены были являться и те, кого «поджимали сроки». Указом 1737 г. оговаривалось: «...ежели кто вряд чрез три года в каждом тех трех лет год

будет такие отъезды иметь ... ни в котором из тех годов не исповедается, то таковых писать в раскол неотменно. Ибо чрез то явно означается, что он конечно потаенный раскольник...»²¹. Более позднее законодательство запрещало переход из официального православия в другую конфессию: «Как рожденным в православной вере, так и обратившимся к ней из других вер, запрещается отступать от нее и принимать другую веру, хотя и христианскую»²². Духовенство в XIX в. перестало записывать не исповедовавшихся более трех лет «в раскол». Такие люди порицались, сведения о них заносились в специальные реестры, которые подавались епархиальному начальству. Поэтому иногородние, видимо, могли долгое время не ходить на исповедь и, соответственно, быть неучтенными в духовных росписях в местах временного проживания. Постоянное население – как бывшие, так и не бывшие на исповеди – учитывались в росписях, только в разных графах.

Отметим, что вплоть до конца 1860-х гг. к барнаульским церквам была приписана значительная часть сельской округи. До 1825 г. экстракты исповедных росписей содержат информацию о числе жителей по приходу в целом. Только с указанного времени в них начинают выделять городское население среди всего приходского.

Таким образом, формуляр исповедных ведомостей, установленный в первой половине XVIII в., корректировался и дополнялся не много. Тем не менее, накапливался определенный опыт по ведению ведомостей, складывалась система наблюдения за этим процессом и отработывалась процедура передачи документации в вышестоящие органы. Все эти действия на уровне региона имели свою «окраску», которая дополнялась специфическим составом населения Барнаула.

---

¹ КГКУ «Государственный архив Алтайского края» (КГКУ ГААК). Ф. 26. Оп. 1. Д. 565. Л. 57-58об.

² ПСЗ– I. Т. X. №7226.

³ *Миронов Б. Н.* Исповедные ведомости – источник о численности и социальной структуре православного населения России XVIII – первой половины XIX в. // *Вспом. ист. дисциплины.* Вып. XX. Л., 1989. С.102.

⁴ ПСЗ– I. Т. V. № 2991.

⁵ Там же. № 3169.

⁶ Цит. по: *Чижевский И.* Церковное письмоводство. Сборник правил, постановлений и форм к правильному ведению оного. 1881. С. 67.

⁷ *Кабузан В. М.* Народонаселение России в XVIII – первой половине XIX в. (по материалам ревизий). М., 1963. С.77, 82; *Колесников А. Д.* Русское население Западной Сибири в XVIII - начале XIX вв. Омск, 1973. С. 329.

⁸ *Литвак Г. Г.* Крестьянское движение в России в 1775–1904 гг. История и методика изучения источников. М., 1989. С. 199–202; *Миронов Б. Н.* Исповедные ведомости – источник о численности и социальной структуре православного населения России XVIII – первой половины XIX в. // *Вспом. ист. дисциплины.* Вып. XX. Л., 1989. С. 102–117; *Миронов Б. Н.* Исто-

---

ведный и метрический учет в имперской России // Материалы церковно-приходского учета населения как историко-демографический источник. Барнаул, 2007. С. 8–47; Антонов Д. Н., Антонова И. А. Метрические книги России XVIII – начала XX в. М., 2006 и др.

⁹ См., например: Государственный архив Томской области (ГАТО). Ф. 170. Оп. 9. Д. 920. Л. 1-216.

¹⁰ КГКУ ГААК. Ф. 26. Оп. 1. Д. 565. Л. 92.

¹¹ Там же. Оп. 2. Д. 44. Л. 63.

¹² Там же. Оп. 1. Д. 565. Л. 93.

¹³ ГАТО. Ф. 170. Оп. 9. Д. 920. Л. 1-217.

¹⁴ КГКУ ГААК. Ф. 131. Оп. 1. Д. 50. Л. 47.

¹⁵ Там же. Ф. 26. Оп. 1. Д. 565. Л. 93.

¹⁶ *Чижевский И.* Церковное письмоводство. Сборник правил, постановлений и форм к правильному ведению оного. 2-е изд. Харьков, 1881. С. 71.

¹⁷ КГКУ ГААК. Ф. 26. Оп. 1. Д. 726. Л. 444-475.

¹⁸ *Ивонин А. Р.* Западносибирский город в последней четверти XVIII – 60-х гг. XIX вв. Барнаул, 2000. С. 146–147.

¹⁹ ГАТО. Ф. 170. Оп. 9. Д. 920. Л. 1–217.

²⁰ *Чижевский И.* Церковное письмоводство. С. 71.

²¹ ПСЗ.– I. Т. X. № 7226.

²² СЗРИ. Т. XIV. Ст. 36.

С. В. Голикова
Институт истории
и археологии УрО РАН

РЕКРУТСКИЙ УСТАВ 1831 ГОДА КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ МЕДИЦИНЫ

Трендом современного источниковедения России имперского периода является рост внимания к законодательству, вызванный тем, что государство начинает правовое регулирование культуры, медицины, социальной и бытовой сфер. Из самого ходового источника – Полного собрания законов Российской империи (ПСЗРИ) – мы узнаем не только механизмы такого регулирования, но и можем почерпнуть массу сведений о различных культурных и социальных явлениях и феноменах.

Рекрутский устав 1831 года – базовый, поэтому хорошо известный историкам документ. Он привлекался при изучении военной истории (развития военного законодательства, способов формирования вооруженных сил), функций самоуправления податного крестьянского и мещанского